

вой и второй неолитизациями, происходили отдельные процессы «керамизации» в период позднего мезолита. Если в 5 тысячелетии до н.э. они были достаточно избирательными, в 4 тысячелетии интенсивность данного процесса значительно возросла. Здесь сформировалась новая культурная модель, которую можно было бы назвать «пара-неолитом». Археологические данные указывают на контакты между КВК и пара-неолитическими обществами. При этом в последних (прежде всего в неманской культуре) также наблюдается существенное территориальное развитие.

Ключевые слова: Южная Прибалтика; неолит; пара-неолит; культура воронковидных кубков; неолитизация; керамизация; культура линейно-ленточной керамики; земледелие; хронология; охотники и рыболовы; мезолит; культура эртебелле; лесной неолит.

УДК 902/904

Статья поступила в редакцию 19.10.2017

ДЕТСКИЕ И ПОДРОСТКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ НАЧАЛА МЕДНО-БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ПРИМЕРЕ МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ

© 2017

Корневский Сергей Николаевич, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела бронзового века
Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматривается проблема детских и подростковых захоронений майкопско-новосвободненской общности (МНО) Предкавказья. Установлено, что в вариантах МНО, в которых под большими насыпями курганов хорошо представлены захоронения лидеров с оружием, инструментами и золотом, погребения детей крайне редки и специфичны. В немногих зафиксированных захоронениях детей из очерченного круга памятников в состав инвентаря входит оружие, золото, инструменты. Таков контекст галюгаевско-серегинского, долинского вариантов и новосвободненской группы горизонта гробниц. Подобная ситуация позволяет предполагать передачу ребенку по наследству высокого статуса его родителей и специфические культы детского захоронения.

В погребениях псекупского варианта погребения с символикой оружия и инструментов немногочисленны, а большие курганы не известны. Много захоронений вообще не содержат оружия и инструментов. Детские захоронения с керамикой псекупского варианта или близкой ему ранней новосвободненской группы зафиксированы как грунтовое детское кладбище. Они также включаются в подкурганные комплексы захоронений вместе с погребениями взрослых людей. Детские захоронения псекупского варианта и ранней новосвободненской группы не содержат оружия, инструментов, а также украшений из меди и золота.

Дважды открыты погребения детей племен МНО в сосудах.

Таким образом, люди майкопско-новосвободненской общности относились к детским погребениям неодинаково. Нередко на традиции погребения ребенка или подростка, символику сопровождающего его инвентаря могли влиять тенденции к элитарному ранжированию захоронений с военно-производственной символикой и специфика культов детских погребений для каждого из вариантов МНО.

Ключевые слова: погребальный обряд; дети; катакомба; кромлех; курган; насыпь; элита; золото; серебро; ранжирование; украшения; подвески; престиж; погребение; традиция; культ; керамика; оружие; тесло; орудия труда; сосуд; охра; статус; костюм; культура; признак; труд; лидер; вариант; типология.

Возраст детства и отрочества до момента инициации в первобытных, догосударственных обществах всегда рассматривался как особое состояние подрастающего человека. Детская смертность была высока, и у носителей разных культур сложились неоднозначные способы захоронения детей и подростков. Ситуации с обрядом детских погребений, по данным археологии, были различными. Так, например, на поселении Тель эс Савван хассунской культуры встречены захоронения детей в площади поселения под полами жилищ с богатыми наборами украшений, статуэтками богинь и керамикой [1] (конец VI – начало V тыс. до н.э.). Н.Я. Мерперт и Р.М. Мунчаев предполагали существование даже специальных детских ритуалов погребения у населения древней Месопотамии этого времени [2].

Детские погребения с украшениями костюма открыты в большом количестве в крупном могильнике Дуранкулак в Болгарии, где представлены комплексы культуры Хаманджия и Варна V тыс. до н.э. [3; 4]. Как правило, оружия и орудий ударного действия в этих захоронениях не наблюдается.

Несколько иная картина прослежена в Хвалынском могильнике в Среднем Поволжье конца VI – начала V тыс. до н.э. [5]. Здесь в детских могилах попадаются не только украшения, но и орудия труда.

Общее отражение общественного устройства культур, оставивших упомянутые выше детские некрополи, одинаково показывает отсутствие погребений лидеров или воинов, для которых бы сородичи тратили большие усилия на возведение над их захоронениями монументальных сооружений или выделения их специально индивидуальными комплексами вне родовых кладбищ. Даже элитные погребения с обилием золота могильника Варна (например, п. 43) не имели внешних признаков, на создание которых был бы затрачен большой труд соплеменников.

В данной статье мы рассмотрим имеющуюся информацию о погребениях детей и подростков совершенно иной культурной среды племен майкопско-новосвободненской общности IV тыс. до н.э. Предкавказья. Ее население, как известно, концентрировало огромные усилия для возведения курганных насыпей над могилами своей элиты. Оно обладало

самым совершенным оружием для своего времени, по данным погребальной обрядности [6–8].

Детские и подростковые погребения с оружием

Майкопско-новосвободненская общность была неоднородна по типологическим вариантам, которые отражали неоднородность ее формирования. По типам керамики и кинжалов выделяется галюгаевско-серегинский или майкопский вариант, близкий ему по формам керамики псекупский вариант, долинский вариант и новосвободненская группа [7]. Детские погребения в курганах МНО не часты. Рассмотрим их по выделенным ранее типологическим вариантам.

Галюгаевско-серегинский (майкопский) вариант был распространен по всему Предкавказью в его степной и предгорной зонах [7]. В подавляющем большинстве погребения галюгаевско-серегинского варианта разрушены в древности. Имеющаяся информация отражает в курганах нам лишь погребения взрослых людей. Нередко они содержат бронзовые кинжалы раннемайкопского типа. Таковы, например, погребения курганов Сунженского могильника [7]. Сам Майкопский курган по набору найденной в нем утвари представляет военно-производственную и культовую символику. Погребальные комплексы с оружием раннемайкопского варианта включают золото. Ряд их иллюстрирует элитарное ранжирование захоронений [8]. Детские или подростковые погребения для раннемайкопского варианта единичны. Рассмотрим такой случай.

В кургане 3 хут. Рассвет в районе Анапы встречено захоронение ребенка. Керамика в нем позволяет соотносить его с майкопским вариантом МНО. Погребение было совершено в каменной гробнице из гальки. В нем зафиксированы кости ребенка, положенного скорченно на правый бок. В области черепа лежало золотое кольцо в один оборот. В восточной части могилы находился бронзовый кинжал раннемайкопского типа длиной 16,5 см. В захоронении также были сосуды, в том числе горшок с круглым дном [6].

Погребение в к. 3 у хут. Рассвет входит в ряд галечных гробниц с кинжалами, таких как погребение 1 в к. 3 у ст. Мостовской [7, с. 156, рис. 28: 4], а также п. 33 к. 1 группы Марьинский-5 (разграблено в древности) [9, с. 77, рис. 13–15]. Погребения в кургане 3 у хут. Рассвет, п. 1 к. 3 у ст. Мостовской, судя по находкам в них золотых украшений, относятся к элитным захоронениям с воинской символикой раннего майкопского варианта МНО.

Долинский вариант. Долинский вариант МНО [7] был локализован в центральном Предкавказье. Его курганные традиции по наборам вещей отражают захоронения воинской элиты с военно-производственной и культовой символикой лидеров общества, в том числе с бронзовыми котлами как с символикой высокого престижа устроителей трапез (Нальчикская, Кишпекская гробницы). Далее в этом варианте имеются погребения с военно-производственной символикой, включающей оружие и инструменты деревообработки, а также погребения с военной символикой, представленной только находками оружия. Есть и захоронения взрослых людей без оружия [7]. Детские погребения с престижной керамикой долинского варианта назвать трудно в силу их отсутствия в курганах.

Погребение подростка с оружием для комплексов долинского варианта – достаточно редкий случай. Он встречен в могильнике у с. Чегем I к. 5 п. 3 Кабардино-Балкария. Захоронение было впускным. Совершено на уровне погребенной почвы, обложено камнями, обильно посыпано красной краской. Погребение принадлежало подростку. Около его черепа и в области груди найдены золотая подвеска в виде кольца с нанизанным сердоликовым камешком, крупная золотая граненая буса, золотая бусина с рифлением, золотая плоская игла с ушком. У колен лежали бронзовый изящный кинжал с черенком и прокованным клинком с желобами, фрагмент бронзового котла. В могиле также находился сосуд с раздутым туловом и нижняя челюсть крупного рогатого скота [10, с. 10, 11]. Погребение относится к элитной группе захоронений долинского варианта МНО [7].

Новосвободненская группа (поздний горизонт захоронений могильника Клады, по А.Д. Резепкину). Локализация группы связана с предгорьями Адыгеи [7; 11; 12]. Новосвободненская группа располагает немногочисленными примерами захоронений детей с оружием. Отметим их ниже.

Могильник Клады к. 15 п. 1 (впускное) Адыгея. Захоронение было совершено в каменной кольцевидной кладке размером 2,4×1,4 м. Оно было засыпано чистым песком с вкраплениями охры. От костяка сохранились только часть черепа ребенка. Инвентарь был разложен вдоль стен, в его состав входили черенковый кинжал, бронзовый крюк, шило, топор с украшенным обухом, две сердоликовые бусы, диск из камня, наконечник стрелы новосвободненского типа, два костяных острия, обломок костяного орудия (долота?), бусина из хрусталя. Далее были найдены два обломка костяных шильев, обломок долота из кости. В северо-восточном углу лежали 100 альчиков овцы, два клыка кабана, обломок каменного браслета подтреугольного сечения, два каменных шарика диаметром 3,2 см и 3 см, скобель на кремневом отщепе. Два сосуда из погребения представляют керамику новосвободненской группы горизонта гробниц [12, с. 26]. Состав инвентаря позволяет относить это захоронение к погребениям с воинской символикой МНО. Оно не содержит золота, но присутствие бус из полудрагоценных камней делает его не совсем эгалитарным комплексом. Более того, присутствие бронзового топора с орнаментом на втулке причисляет рассматриваемый комплекс к весьма значимым воинским наборам по меркам новосвободненской группы, поскольку четыре других топора с орнаментами на втулке известны из богатейшей гробницы 5 кургана 31 могильника Клады [12, с. 199, рис. 70: 5, 6, 7] и гробницы 1 из раскопок Н.И. Веселовского у ст. Новосвободненской [13, табл. V].

Детское захоронение

вместе со взрослым человеком и с оружием

Могильник Клады курган 31 погребение 5. Оно было совершено в каменной гробнице. В ней были найдены кости взрослого человека и ребенка до 7 лет. Взрослый человек лежал скорченно на правом боку головой на Ю-ЮВ. Его кости сгнили, как пишет автор раскопок. Инвентарь гробницы феноменально разнообразен и богат. В его состав входят предметы престижного вооружения, инструменты труда и предметы культа, металлическая посуда и

изделия из благородных металлов [12, с. 36]. Таким образом, захоронение взрослого человека и ребенка в описываемом комплексе было причастно к погребению самого высокого престижа для племен новосвободненской группы.

Детские и подростковые погребения без оружия

Псекупский вариант. Памятники псекупского варианта известны по всему ареалу МНО, большая их насыщенность связана с Кумо-Манычской впадиной и западным Предкавказьем. Керамика псекупского варианта близка к посуде раннемайкопского варианта, включая многие типы сосудов с округлым дном из формовочной массы без минеральных примесей. Ее отличает от керамики галюгаевско-серегинского варианта приземистость форм, реберчатость тулова, пролощенный орнамент сеткой [7; 14]. Погребения с оружием и золотом взрослых людей этого варианта известны, но их очень мало, например п. 3 к. 1 могильника Кудухурт с раннемайкопским кинжалом. Над погребениями псекупского варианта не известно крупных насыпей «больших курганов». Многие захоронения псекупского варианта не содержат ни оружия, ни инструментов, как, например, погребения Красногвардейского могильника, раскопанного А.А. Нехаевым [7].

Детские захоронения без оружия и инструментов МНО можно соотносить во многих случаях именно с рассматриваемым вариантом, который отражает погребальные комплексы майкопских ординарных захоронений, не выделяемых в погребальных обрядах золотом и не включающих символику военного дела. Отметим детские захоронения, относящиеся к этой серии комплексов.

Так, в могильнике *Клады* в Адыгее было зафиксировано около 17 детских могил, совершенных с уровня древней дневной поверхности в ямах или на «горизонте» под каменными кладками. В отдельных случаях кости детей не сохранились, и детским погребением могила считается судя по ее небольшим размерам. В основном в детских погребениях не было найдено орудий. Отдельные из них содержат один, два небольших сосуда, реже более [7; 12]. Сосуды небольшие, 10–12 см в высоту. По форме это горшочки-кубки, которые можно встретить в комплексах разных вариантов МНО в Западном Предкавказье. Каменные ящики или обкладки камнем могил детских погребений были собраны из камней-валунов. Не из плит, как гробницы. Таковы погребения №№ 1, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 39, 40, 44, 45, 51, 53, 55 [7, рис. 29, 30, 31].

По всей вероятности, мы сталкиваемся здесь с детским кладбищем, которое возникло как грунтовый могильник, до появления насыпей кургана 11, пишет А.Д. Резепкин [12, с. 71]. Его возраст более древний, чем горизонт гробниц Новосвободненской группы. Принадлежность к какому-либо варианту описываемого детского кладбища не безусловна. Вместе с тем это детское кладбище явно относилось к раннему периоду функционирования могильника *Клады*, в погребениях которого проступают черты псекупского варианта МНО, судя по круглодонной керамике майкопских форм [15, с. 15, рис. 3: 1–7]. Пока это население может рассматриваться как локальная «ранненовосвободненская группа», предшествующая племенам горизонта гробниц. Ее иденти-

фикация должна уточняться в будущем с накоплением материала.

Могильник Общественный II расположенный у ст. Мингрельской Абинского района Краснодарского края [16, с. 223–261]. Здесь детские захоронения были обнаружены в к. 1 к. п. 3 (ребенок 7–14 лет) и п. 6 (взрослый и ребенок до 12 лет), п. 10 (взрослый и ребенок 7–12 лет). Погребальный инвентарь включал керамику МНО. Отдельные сосуды имели приземистые пропорции тулова и ребро на нем, характерное для посуды псекупского варианта [16, рис. 9: 4]. Орудий и оружия в захоронениях с детьми не было.

Айгурский курган 22 [17]. Айгурский курган 22 расположен на левом берегу р. Айгурка, притока р. Калаус на севере Ставропольского края при переходе Ставропольского плато в Кумо-Манычскую впадину. Он представляет сложный ансамбль захоронений. В насыпи кургана были зафиксированы охристые черепки майкопской культуры из теста без минеральных примесей – возможно, следы тризны. В центре кургана находился крупный каменный ящик погребения № 8, окруженный кромлехом. Его первичное захоронение в (3708–3655 BC) было разрушено и на место первого покойного положили нового человека. Так возникло захоронение 8а (3519–3375 BC). Скелет принадлежал ребенку в возрасте 9–10 лет. Он лежал скорченно на правом боку. Вещей при нем не было. Кости были слабо окрашены охрой.

Погребение 9 располагалось в западной части кромлеха. Оно было вырыто, как имитация подбойного сооружения. В зоне подбоя найдены остатки костяка ребенка в возрасте около 1,5 лет (3672–3381 BC). Большинство костей отсутствовали или были переотложены. По сохранившимся *in situ* можно утверждать, что покойный располагался скорченно, на левом боку, головой на север. На черепе имелось ярко-алое пятно охры (рис. 1: 1). В погребении были найдены два сосуда (рис. 1: 2, 3), кремневый отщеп и астрагал мелкого рогатого скота. Погребение 9 особо интересно тем, что найденные в нем сосуды отражают сочетание майкопской керамики сдвоенного сосуда и местной керамики степного круга аналогий. Фрагмент сдвоенного сосуда выполнен в майкопских традициях круглодонной керамики высокого класса и покрыт пролощенной сеткой. Однако соединение его со второй частью через планку с отверстием уникально.

Погребение 16 находилось в северо-западном секторе кромлеха. Грунтовая часть могильной конструкции погр. 16 представляла собой овальной формы яму (1,32×0,87 м), вытянутую по линии ЮЗ–СВ. В заполнении ямы было найдено много костей животных: астрагалов овцы, путовые кости осла и лошади. Скелет принадлежал ребенку 2–3 лет. Погребенный ребенок (3518–3517 BC) был положен скорченно, на левый бок, головой на северо-восток. Руки были согнуты в локтях под острым углом перед грудью. Кисть правой руки лежала на локтевом суставе левой руки. Среди фаланг правой кисти обнаружен скол кремня. Очевидно, что он был положен покойному в ладонь. Кости скелета ребенка окрашены минеральной краской в бледно-красный цвет.

Вместе с погребениями детей в кургане было открыто захоронение № 15 в катакомбе женщины старшего возраста 55–65 лет. (3619–3376 BC). Скелет

лежал в положении скорченно на левом боку. Кости скелета окрашены в красный цвет. Напротив лицевых костей и правого плечевого сустава покойного стоял приземистый сосуд майкопской культуры [17].

Айгурский курган 22 возник как погребение в каменной гробнице для некоего знатного лица где-то в 38–37 вв. до н.э. Такая дата намного древнее даты

Нальчикской гробницы (4410±25 ВР 3092–2943 ВС) [18, р. 24]. Эта хронология позволяет рассматривать айгурскую гробницу как самостоятельное мегалитическое явление погребальной обрядности племени степной периферии МНО, а не заимствование идеи массивного каменного ящика из центрального Предкавказья на финальном этапе существования МНО.

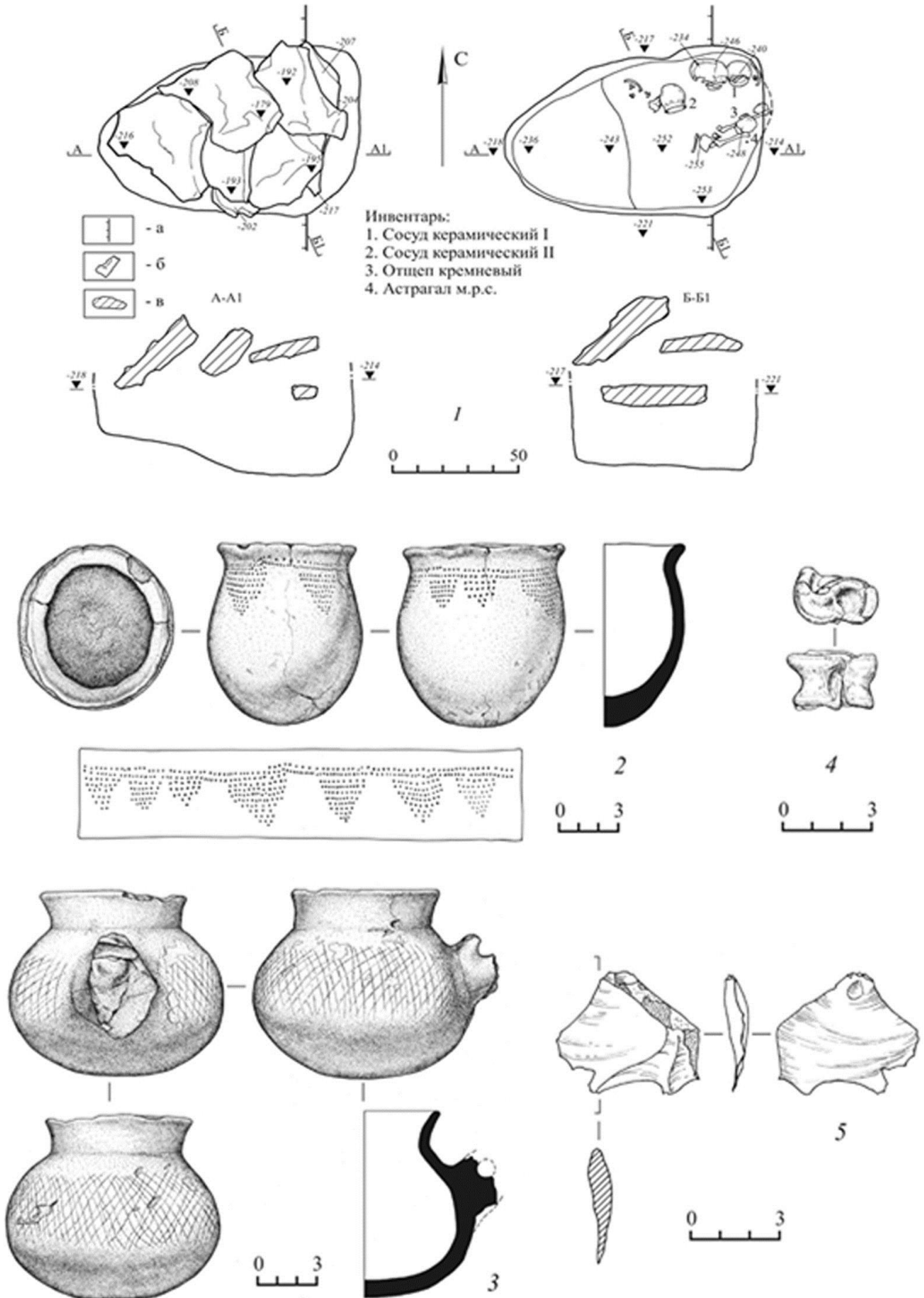

Рисунок 1 – Погребение 9 кургана Айгурский 22 (по Корневскому, Калмыкову).
1 – план погребения; 2, 3 – сосуды; 4 – альчик; 5 – кремнёвый отщеп (скребок)

Далее захоронения в кургане совершались в середине IV тыс. до н.э. в диапазоне 37–34 вв. до н.э. как специальный ансамбль с детскими могилами и могилой взрослой женщины. Последним событием в функционировании этого кладбища в эпоху МНО стало вторичное захоронение в каменный ящик подростка. В культурном отношении, судя по майкопской керамике, тризне из майкопских сосудов, черепки которых были найдены в насыпи кургана, рассмотренные комплексы Айгурского кургана 22 можно отнести к псекупскому варианту кумо-маньчской периферии МНО. Его оставило степное майкопское население, находящееся в контакте с местными племенами ямной культуры. Оно использовало формы местной керамики и некоторые черты обрядов степного населения в своих погребальных традициях. Одной из них было вложение в кисть умершему ребенку из п. 16 кремневого отщепы – орудия для работы в «стране без возврата». Майкопские племена так не поступали.

Погребение 183 Большого Ипатовского кургана связано с захоронением ребенка 6–7 лет скорченно на левом боку в яме под каменным навалом. Погребение безынвентарное. Оно было впущено в насыпь 3. Рядом с ним находилось майкопское погребение взрослого человека 185 мужчины в возрасте 19–22 лет скорченно на левом боку. Дата его 3367–3039

ВС [19, с. 69, 91]. Захоронения 183 и 185 относятся к майкопским племенам Кумо-Маньчской периферии МНО.

Погребение № 10 в кургане у с. Верхний Акбаи. Впускное захоронение ребенка, лежащего скорченно на левом боку. Рядом с головой был поставлен сосуд с орнаментом в виде пролощенной сетки, характерной для декора сосудов псекупского и долинского вариантов МНО [20, с. 209, рис. 13].

Курган Ольховский находится на правом берегу реки Кирпили, на восточной окраине х. Ольховский Тимашевского района Краснодарского края. Курган раскопан на основании Открытого листа, выданного на имя Д.А. Яцюка [21]. Всего в кургане открыто 16 захоронений с керамикой майкопско-новосвободненской общности или более раннего времени (п. 24). Среди них представлены погребения мужчин женщины и детей. Детские захоронения №№ 3, 8, 20, 22 совершены в небольших подквадратных ямах. Дети лежат в положении скорченно на правом или левом боку. В погребении 8 зафиксирован острорезерный сосуд с высоким горлом (рис. 2: 1). В погребении 22 найден кругодонный кубок с приземистым туловом высоким горлом (рис. 2: 2) и 22 алычка барана. Судя по формам керамики захоронения в кургане Ольховский можно отнести к псекупскому варианту МНО и к концу IV тыс. до н.э. [22].

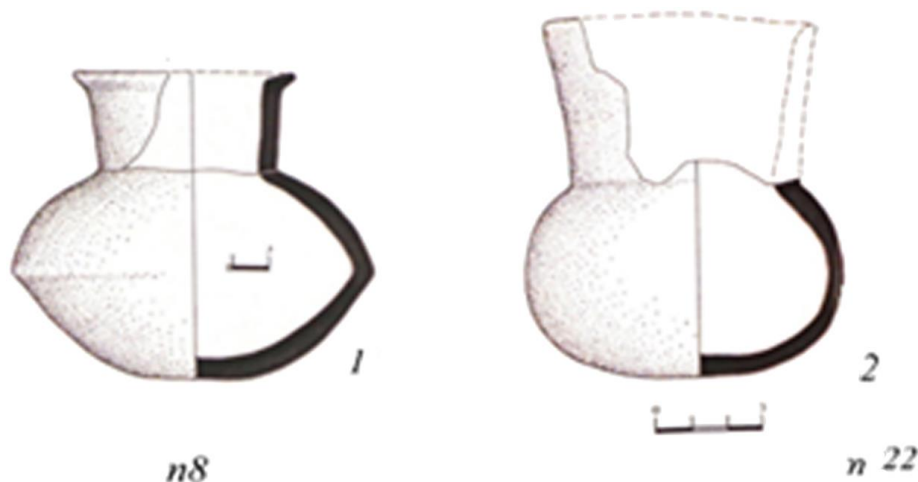

Рисунок 2 – Сосуды из кургана Ольховский (по Яцюку). 1 – к. 1 п. 8; 2 – к. 1 п. 22

Погребения детей в сосудах и в площади поселения. Погребения в сосудах детей и в слое поселений для памятников МНО большая редкость. Одно из погребений в сосуде найдено в кургане Ольховский. Это захоронение № 7. Погребение было обнаружено в центральном секторе кургана по фрагментам керамики в слое светло-коричневого гумусированного суглинка предматерика на глубине – 75 см. Оно состояло из развала половины крупного сосуда (рис. 3: 2). Сосуд лежал на боку, донной частью на запад, внутри него находился череп ребенка. Сохранность черепа плохая, в виде тлена. Высота сосуда 47 см. Дно плоское. Тулово «грушевидное», сужается ко дну. Венчик короткий прямой. Сосуд изготовлен из формовочной массы с минеральными примесями.

Другое погребение в сосуде зафиксировано в группе детских захоронений могильника Клады к. 11 п. 25. В крупном сосуде находились кости ребенка в возрасте до 1 года [12] (рис. 3: 1). Высота сосуда 51 см. Дно плоское. Тулово «грушевидное», сужает-

ся ко дну. Венчик короткий, немного отогнут наружу. На тулове косой короткий налп. Сосуд изготовлен из формовочной массы с минеральными примесями.

Оба сосуда не относятся к типам керамики раннего варианта МНО. Они не связаны аналогиями ни с посудой лейлатепинской культуры, ни с типичной керамикой новосвободненской группы времени «горизонта гробниц». Ближайшие их параллели можно увидеть в форме горшка из к. 1 п. 4 из тризны у п. 4 могильника у хут. Чернышёв [23, с. 75, рис. 2, 3] и в формах бронзовых котлов из Кишпекской гробницы и Нальчикской гробниц (рис. 3: 3, 4). Последние сосуда также обладают сужающейся ко дну формой горшковидного тулова, коротким венчиком.

В слое бытового памятника останки ребенка найдены на поселении Чекон-2 Анапского района Краснодарского края. Они связаны с захоронением № 2. Останки принадлежали ребенку в возрасте 3–6 лет. Признаков специально обустроенной могилы не зафиксировано [24, с. 33–42].

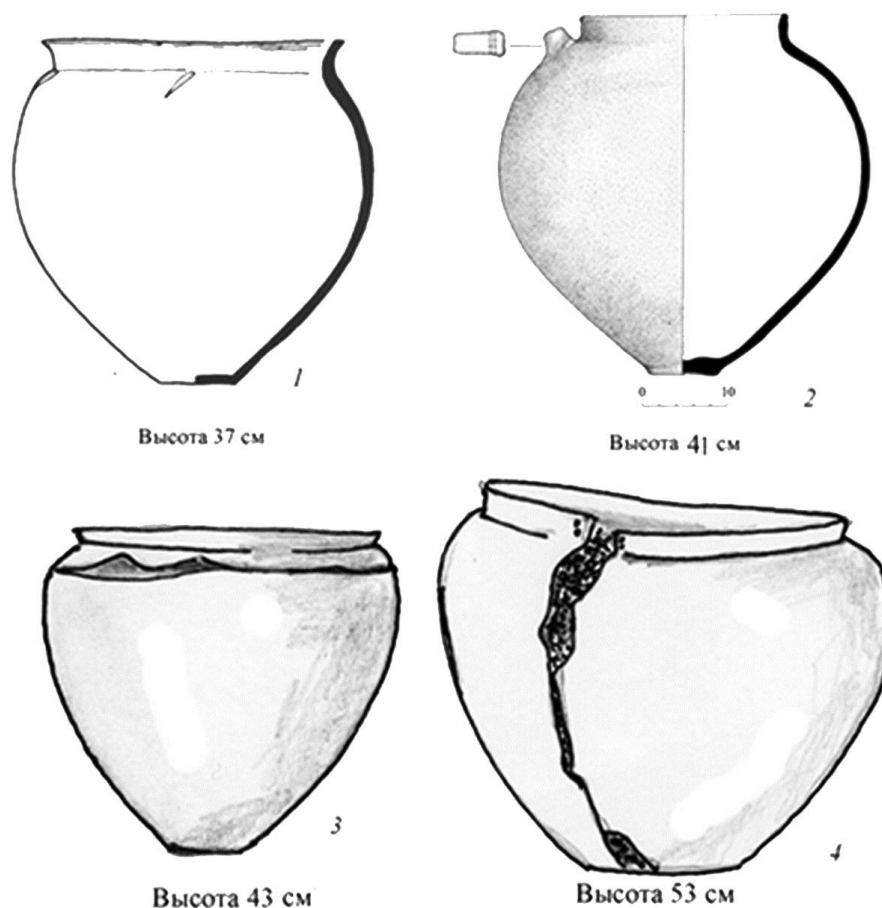

Рисунок 3 – Керамические сосуды – урны и бронзовые котлы. 1 – Клады к. 11 п. 25; 2 – к. Ольховский п. 7 – сосуды; 3 – Кишпек к. 1 п. 1; 4 – Нальчикский курган – бронзовые котлы

Выводы

Погребальная практика, связанная с захоронениями детей у племен МНО, была неодинакова. В целом для МНО были не типичны захоронения детей в сосудах и в слое поселений, как это имело место в близкой культуре Лейлатепе [25]. Почему? Видимо, этому не способствовал подвижно-оседлый образ жизни майкопцев, которые время от времени могли менять места обитания. Поэтому идея превращения родового поселка в место кладбища для детей для носителей культуры МНО была несостоятельной. Она могла иметь место как проявление одного из вариантов культа детского захоронения.

Курганные обряды относились к детским и подростковым захоронениям избирательно. Для вариантов МНО, в которых хорошо представлена практика элитных захоронений с металлической посудой с военно-производственной символикой раннего майкопского, долинского, новосвободненской группы горизонта гробниц Кладов, мы видим редкие захоронения детей и подростков с оружием и даже золотом. По всей видимости, здесь имела место традиция передачи наследственного воинского статуса родителей своему отпрыску. Аналогии такой традиции уходят далеко на юг. Таковы детские захоронения с оружием младенца в сосуде на поселении Овчулартепеси на р. Арпа на Южном Кавказе конца V тыс. до н.э. [26] и погребения ребенка с оружием могильника Нахаль Кана гассульской культуры в Израиле [27].

Детские захоронения наблюдаются довольно отчетливо в комплексах с керамикой псекупского варианта МНО, который, видимо, представляет уже

адаптированные в Предкавказье к местным условиям племена с керамикой ближневосточного типа. Нельзя не отметить, что погребений с оружием, золотом и металлической посудой для псекупского варианта не известно. В этом смысле представители его военной элиты не поддерживали традиции символики захоронений своих представителей путем помещения в их могилы металлической посуды. Детские погребения у носителей псекупского варианта могут встретиться в составе кургана как родового некрополя, в котором представлены мужские и женские захоронения (например, курган Ольховский). В Кумо-Маньчской периферии в кургане Айгурский 22 детские захоронения образуют целый подкурганый комплекс совместно с женщиной старшей возрастной группы. Важен также факт частой встречаемости детей в упоминавшихся выше могильниках в основном в возрасте до 7 лет, то есть детей определенной возрастной группы.

Особо обращает на себя внимание нередкая встречаемость в детских захоронениях альчинок овцы и даже путовых костей лошади или осла. Примечательно, что в погребениях взрослых людей МНО с оружием и золотом альчинок нет. Видимо, такая традиция помещать альчики в могилу не была особо связана с воинским престижем элиты племен МНО. В эпоху начала медно-бронзового века за ней могли стоять различные евразийские культы поклонения женской богине, символика плодородия и возрождения [28, р. 67–92].

В основном детские захоронения псекупского варианта не содержат инструментов ударного действия. Сосуды в них находятся вблизи от тела умер-

шего ребенка, не в углах могилы, как в погребениях элитных вариантов майкопского, долинского и новосвободненской группы.

Отсутствие инструментов ударного действия в детских погребениях псекупского варианта отражает их отличие от погребений детей обществ с иной организацией трудовой символики в погребальной практике. Так, в детских захоронениях Хвалынского могильника орудия были найдены в п. № 90. Это захоронение содержало медное кольцо и костяной гарпун. В пп. 94 и 105 были зафиксированы маленькие каменные тесла [5]. В могильнике Джурджулешти в детском захоронении 3, наряду с богатым набором украшений, был обнаружен кремневый нуклеус и маленькое каменное тесло [29]. То есть дети в этих некрополях как бы наследовали символику трудовой деятельности родителей. Например, орудия из камня, гарпун в Хвалынском могильнике были отмечены в погребениях взрослых людей [5].

С детскими захоронениями в культурах древних земледельцев могли быть связаны некие особые мифологические представления. Одной из примечательных черт детских захоронений эпохи начала медно-бронзового века в Понто-Предкавказских степях (V–IV тыс. до н.э.) являлось использование для них катакомбы или подбойного сооружения. На примерах эпохи энеолита протоямной культуры и новоданиловской группы можно наблюдать, что катакомба неоднократно встречается в женских, детских и юношеских захоронениях, но не в погребениях взрослых мужчин с каменными теслами [30]. Уже в другую эпоху такая традиция использования катакомбы для захоронений женщин и детей встречается в погребениях майкопских и ямно-майкопских племен Кумо-Манычской периферии МНО, в чем можно убедиться на примере кургана 22 Айгурского могильника.

Интересно отметить, что катакомба с детским захоронением открыта Н. Мусеибли на пос. Галаери лейлатепинской культуры. Здесь также было обнаружено и погребение ребенка в сосуде [25, с. 20]. Последний факт показывает достаточно широкое распространение особых культовых верований о связи детских погребений с катакомбным обрядом. Сама же форма катакомбного сооружения, как справедливо отмечает Н. Мусеибли [25, с. 20], вслед за Н.Я. Мерпертом и Р.М. Мунчаевым [31], была конвергентным явлением в целом ряде культур еще в VI–V тыс. до н.э., в эпоху хассунской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Faisal El-Wailly, Behnam Abu Es-Soof. The Excavations at Tell Es-Sawwan. First Preliminary Report (1964) // *Sumer*. 1965, V. XXI, № 1, 2. P. 17–32.
2. Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии / ред. В.И. Сараниди. М.: Наука, 1981. 320 с.
3. Todorova H. Durankulak, Band II, Teil. I (der prähistorischen Gräber von Durenkulak) Sofia. 2002. 158 s.
4. Todorova H., Durankulak, Band II, Teil. II (der prähistorischen Gräber von Durenkulak). Sofia. 2002. Tabl. 203.
5. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Куйбышев.: Изд. Саратовского университета. 1990. 147 с.

6. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 414 с.

7. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Таус, 2004. 242 с.

8. Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 385 с.

9. Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Погребения майкопской культуры кургана 1 могильника Марьинский – 5 // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа* Вып. XI. М.: Изд. Памятники исторической мысли, 2013. С. 71–108.

10. Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем 1, Чегем 11 и Кишпек // *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии*. Нальчик.: Изд. Эльбрус, 1984. С. 7–87.

11. Корневский С.Н. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н.э.) Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток) / науч. ред. акад. В.И. Молодин. М.: Изд. Ин-та археологии РАН, 2017. 283 с.

12. Резепкин А.Д. Новосвободненская культура. СПб.: Изд. «Нестор-История», 2012. 342 с.

13. Попова Т.Б. Дольмены станицы Новосвободной // *Труды ГИМ* Вып. XXXIV. М.: Изд. ГИМ, 1963. 46 с.

14. Корневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // *Археология Кавказа и Ближнего Востока*. М.: Таус, 2008. С. 71–122.

15. Корневский С.Н. Могильник «Клады» и об интерпретации его материалов // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 15. Армавир-Краснодар.: Изд. ООО Кубаньархеология, 2015. С. 5–39.

16. Сорокина И.А., Орловская Л.Б. Погребения майкопского времени Общественного II могильника в Степном Закубанье // *Вестник Шелкового пути. Археологические источники*. Вып. 1. М.: Изд. ООО Шелковый путь, 1993. С. 223–261.

17. Корневский С.Н., Калмыков А.А. Майкопские погребения кургана 22 могильника Айгурский // *Российская археология*. 2017. № 4. С. 77–94.

18. Belinskij A., Hansen S., Reinhold S. The Great Kurgan from Nalčik. A Preliminary Report // *Subartu*. V. XVIII. Brussel.: Brepols, 2017. P. 24.

19. Корневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 2007. 229 с.

20. Крупнов Е.И. Археологические исследования в Кабардинской АССР // *Ученые записки КНИИ*. Т. IV. Нальчик, 1950. С. 206.

21. Яцюк Д.А. Отчет об итогах проведения охранно-спасательных работ на памятнике археологии курган № 1 «курганной группы из 4 курганов» в Тимашевском районе Краснодарского края. Краснодар. 2012 // *Архив ИА РАН*. № 36440.

22. Корневский С.Н., Медникова М.Б., Добровольская М.В., Яцюк Д.А. Майкопские погребения мо-

гильника Ольховский // Месопотамия и Кавказ в эпоху неолита и бронзового века: сборник статей в честь 90-летия д.и.н., члена-корреспондента РАН Рауфа Магомедовича Мунчаева / отв. ред. Ш.Н. Амиров. М., 2018 (в печати).

23. Бианки А.М., Днепровский К.А. Об одном из вариантов погребального обряда майкопской культуры // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. С. 71–85.

24. Корневский С.Н., Медникова М.Б., Бочковой В.В. Новые данные о разнообразии погребальных обрядов майкопско-новосвободненской общности // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, № 2. С. 34–42.

25. Museibli N. Some issues on general features of the Leilatepe culture // Археология и этнография Азербайджана. № 1. Баку.: Hazar University, 2016. С. 20.

26. Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S., Excavations at Ovcular tepesi (Nakhichevan, Azerbaijan). Second preliminary report: 2009–2010 seasons // Anatolia Antiqua. Vol. XIX, 2011. P. 53–100.

27. Gopher A., Tsuk T. The Nahal Qanah Cave: Earliest Gold in the Southern Levant (Monograph series; № 12). Ed. A. Gopher. Tel Aviv.: Tel Aviv University, 1996. 250 p.

28. Olsen H. Are all warriors male? Gender roles on the ancient Eurasian steppe / Ed. K.M. Linduff, K.S. Rubinson. Plymouth. 2006. P. 67–92.

29. Govedariča B. Zepterträger – herrscher der Steppe. Vunz am Rhein, 2004. 426 s.

30. Корневский С.Н. Древнейшие катакомбы и символика орудий ударного действия у племен начала медно-бронзового века понто-предкавказских степей // КСИА. Вып. 245. 2016. С. 105–119.

31. Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Погребальный обряд племен хассунской культуры (Месопотамия) // Археология старого и нового света. М.: Наука, 1982. С. 28–49.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 15-06-02098.

CHILDREN AND TEENAGERS' BURIALS DATED BACK TO THE BEGINNING OF THE COOPER-BRONZE AGE ON THE EXAMPLE OF THE MAIKOP-NOVOSVOBDNENSKOE COMMUNITY

© 2017

Korenevskiy Sergey Nikolaevich, doctor of historical sciences, leading researcher of Bronze Age Department
Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Abstract. The paper is aimed to discuss the problem of children and teenagers' burials of the Maikop-Novosvobdnenskoe community (MNC) located in the Caucasus region. Children's burials of the Galugaevsko-Sereginskiy, the Dolinsky variants and the Novosvobdnenskaya group are rare, but there are weapons and gold ornaments. This situation suggests transferring a high status of their parents by inheritance to the child. But the Psekupskiy variant reflects other situation. Children's burials in its monuments look like children's cemetery or burials of adults in kurgans and in earth graves. They do not contain weapons, tools or ornaments of copper and gold. It is possible to observe that burials of children are in big vessels. That tradition often depended on the degree of the society development.

Keywords: funeral ceremony; children; catacomb; cromlech; barrow; mound; elite; gold; silver; ranking; jewelry; pendants; prestige; burial; tradition; cult; ceramics; weapons; adze; tools; vessel; ochre; status; costume; culture; sign; labor; leader; option; typology.

УДК 902.904

Статья поступила в редакцию 22.08.2017

КУРГАН ХАЛВАЙ 5 – КОМПЛЕКС СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

© 2017

Логвин Андрей Викторович, заведующий археологической лабораторией
Шевнина Ирина Викторовна, научный сотрудник археологической лаборатории
Костанайский государственный университет (г. Костанай, Республика Казахстан)
Колбина Алина Викторовна, научный сотрудник отдела региональной истории
Костанайский областной историко-краеведческий музей (г. Костанай, Республика Казахстан)

Аннотация. Работа посвящена результатам исследования кургана Халвай 5. Памятник находится на левом берегу Тобольского рукава Каратамарского водохранилища (Северный Казахстан, Костанайская область) в 7 км к северо-востоку от поселка Халвай и в 500 м к северо-востоку от синташтинского кургана Халвай 3. Диаметр кургана 30 м со рвом, высота 0,8 м. Под насыпью кургана зафиксировано пять погребений. Все подкурганые захоронения кургана Халвай 5 относятся к XXI веку до н.э. к синташтинской культуре. Все основные погребения кургана Халвай 5 были ограблены в древности. Ров после захоронения усопших (по крайней мере, на момент ограбления ям) какое-то время не засыпался. Погребальные камеры имеют перекрытие из досок и бревен, стены их облицованы корой и травой, дно также устлано травой и корой. В ходе исследования были выполнены следующие анализы: антропологический, палеозоологический, палеоботанический, дендрохронологический, рентгенофлуоресцентный (РФА), радиоуглеродный. Жертвенный комплекс представлен КРС, МРС и лошадьми. Среди находок, полученных в результате исследования кургана Халвай 5: керамические сосуды, бронзовый топор-тесло, каменные наконечники стрел, абразивы и терочки, зооморфный жертвенник-терочник. В насыпи кургана было исследовано погребение раннесарматского времени.